

В прошлой жизни, в университете, мы больше всего ненавидели таких доносчиков. Раскрытых сплетников неизбежно отвергали все. И вот Вэй Хуань при всех предлагает такой метод — да она сама напрашивается на неприятности! К тому же, кто из дворцовых служителей хоть раз не поленился, не схалтурил, не позарился на мелкую выгоду? Запусти мы такую волну доносительства, и каждый вокруг меня станет жить в страхе. Я приподняла бровь, давая Вэй Хуань знак: пора бы сменить тему. Но та лишь посмотрела на меня и твёрдо заявила:

— Именно поощрение доносов. Хотя принцесса и прозорлива, одной ей не уследить за всеми проступками множества людей. Лучше сделать глазами — глаза всех, устами — уста всех. Эффект будет вдвое большим при половинном усилии. В Приказе Дяньчжун людей много, дел невпроворот. Если у принцессы нет времени разбирать всё лично, можно в укромном месте поставить деревянный ящик. Ящик — под замок, ключ только у принцессы. В нём проделать отверстие. Все доносы пусть бросают туда. Даже если обвиняемый знатен и могуществен, он не узнает, кто донёс, и не сможет отомстить. Тогда доносчики станут ещё активнее.

Я помолчала, затем спросила:

— Ты и вправду считаешь, что это сработает?

Эта картина всеобщего страха и взаимных обвинений смутно напомнила мне одну эпоху... эпоху, от которой становилось не по себе.

Вэй Хуань серьёзно кивнула.

У меня похолодело на сердце. Спустя несколько мгновений я сжала кулаки.

— Хорошо, — сказала я.

На следующий день был день рождения матушки. В этом году празднество размахнулось пуще прежнего, и я встала раньше обычного, чтобы успеть в Чертог Чжэньгуань до прибытия жён и матерей чиновников Внутреннего двора.

В тот момент матушка ещё сидела за туалетным столиком. Туаньэр заплетала ей волосы, а Ваньэр зачитывала список подарков. Она как раз дошла до строки: «Наследный принц преподнёс: зеркало — одно, вновь переведённые буддийские сутры — двенадцать свитков, небесных коней — двух, золотых и серебряных изделий — по сотне, подвесок для причёски — десять, парчи „Десяти тысяч лет жизни“ — сто видов», — как вдруг матушка с улыбкой спросила:

— А что преподнесла принцесса Чанлэ?

Ваньэр, не задумываясь, ответила:

— Принцесса Чанлэ преподнесла сто свитков буддийских сутр, переписанных собственноручно.

Матушка приподняла бровь.

— И всё?

— И всё, — подтвердила Ваньэр.

Она взяла один из свитков, лежащих рядом, и велела двум служанкам развернуть его перед матушкой. Та скосила глаза, взглянула, а потом укоризненно посмотрела на меня:

— Подарки Сыцзы становятся всё скупее.

На мне был парадный наряд, поэтому я не могла просто подбежать к матушке. Я лишь приподняла край платья и сделала церемонный поклон.

— Каждый иероглиф в этих сутрах я вывела собственной рукой. Такие сокровища не купишь ни за какие деньги. Разве это можно назвать скупостью?

Матушка рассмеялась:

— Сама же называешь свои каракули сокровищем! И не стыдно тебе?

Но, говоря это, она улыбалась всё теплее и приказала окружающим:

— Найдите все эти сутры и принесите мне вечером.

Туаньэр уже собралась было ответить, но Ваньэр, склонившись, сказала:

— Подарки от наследного принца, князя Цзи и принцессы Чанлэ находятся в боковом зале. Если Ваше Величество изволит, их можно доставить сейчас.

Матушка велела принести все свитки. Вскоре слуги внесли несколько столов, а другие принялись переносить буддийские сутры, книги и картины, поднесённые Ли Шэном, Ли Жуюем и мной. Первыми развернули мои сутры.

Сначала матушка скользнула по ним насмешливым, небрежным взглядом. Но, увидев, что каждой строке на санскрите соответствовало несколько строк перевода на китайский, она удивилась и велела поднести свиток поближе. Это была моя собственная задумка. Поскольку все преподносили матушке буддийские сутры, а Ли Шэн и Ли Жуй и вовсе частенько переписывали их к её дню рождения, мой обычный подарок был бы ни хуже, ни лучше других. Да и не было у меня, в отличие от них, ни княжеского удела с его доходами, ни собственной администрации, чтобы блеснуть. Вот я и придумала хитрость: по примеру книг из будущего я свела воедино оригинальный текст и все переводы, какие только можно было найти. Так и матушке изучать удобнее, и видно, что я вкладывала в переписывание душу, молясь о её благополучии.

Матушке такой подход действительно пришёлся по душе. Она внимательно прочла один свиток, по пути невольно проговаривая некоторые строки, а закрыв его, спросила:

— Всё это ты сделала сама?

Я улыбнулась:

— Сутры помогали искать Пэй Ланьшэн, Фан Ци и другие. Кое-что я позаимствовала у наследного принца и из Секретариата. А вот переписывание и составление — целиком моя работа. Проверку же я поручила Цуй Мин-дэ.

Матушка с улыбкой заметила:

— Обычно ты читать не любишь, а тут такой хитроумный способ изучения придумала.

— Не любить читать для себя и придумывать способы чтения для тебя — это ведь не одно и то же? — парировала я.

Не успела я договорить, как раздался голос отца:

— Наверное, именно потому, что читать не любишь, вечно и выдумываешь ленивые способы, а потом ещё и матушкиным именем прикрываешься! Марш отсюда, ступай на своё место и не отлынивай!

Я подняла глаза и увидела отца в парадном головном уборе и одеянии, опирающегося на Ян Цзыгао. В этом году он явно сдал, часто прихварывал, и даже я могла видеть его лишь раз в несколько дней. Сегодня он был облачён пышно, но шаги его стали совсем медленными. Пройдя немного, он остановился и спросил:

— А наследный принц где?

Гао Яньфу ответил:

— Наследный принц приходил с утра пораньше, а теперь отбыл на службу во внешний двор.

Отец кивнул и сел рядом с матушкой. Я поняла, что он хочет поговорить с ней с глазу на глаз, и потому откланялась, направившись туда, где собрались жёны и матери чиновников. По велению отца все супруги и дочери чиновников пятого ранга и выше явились во дворец с поздравлениями, так что зал был буквально забит народом.

Из всех присутствующих лишь мои двоюродные бабушки, тётки и несколько двоюродных сестёр имели право войти внутрь и немного передохнуть.

Двоюродных бабушек, ныне здравствующих, осталось не так много. Ближе всех к нашей семье была принцесса Цяньцзинь. Другая бабушка, принцесса Яньань, с нами была не слишком близка, зато с отцом — накоротке. После событий у ворот Сюанью мой прадед разочаровался в государственных делах, передоверил их деду и всецело посвятил себя продолжению рода во Внутреннем дворце. Эти две бабушки родились как раз на закате лет прадеда, так что по возрасту были ближе к отцу. Они считались его тётками, но по сути были скорее сёстрами. Принцесса Яньань, знатная и высокомерная, была к отцу особенно привязана и частенько позволяла себе его поучать. Ли Жуй и я её недолюбливали. Зато принцесса Цяньцзинь, весёлая и живая, постоянно приносила нам разные безделушки, а потому была близка и с матушкой, и с нами. Что уж говорить о тётках Цинхэ и Синьянь: одна — младшая дочь предыдущего императора, другая — младшая дочь вдовствующей императрицы. На любом пиру они были желанными гостями.

<http://bllate.org/book/16278/1466249>